

летописному известно;¹ вывод же отсюда следует только один: если в 1182 г. туровскую кафедру уже занимал Лаврентий, то Кирилла, очевидно, уже не было в живых; предполагать, что Кирилл добровольно (или недобровольно) уступил кафедру Лаврентию, а сам удалился на покой, и, следовательно, в 1182 г. и позже еще был жив, — никаких данных у нас нет.

В свое время Л. Гёц высказал предположение, что повесть, как и сказание об иноческом образе, принадлежит к числу ранних произведений Кирилла, написанных им еще до того, когда он стал туровским епископом.² Следующие места в тексте „повести“ действительно как будто указывают на это: „... плетем, акы детищъ, пред вашим отчъством...“, „...бог же мира многою милостию да створить вашему отчъству сему приуту быти сказанию...“.

Как имя Василия игумена Печерского попало в заглавие повести? Ответ на этот вопрос, как кажется, дает опубликованное А. В. Горским в 1851 г. по рукописному сборнику XVI в. Синодальной библиотеки, № 935 (по каталогу 1823 г.), „Послание нѣкоего старца к богоблаженному Василию архимандриту о скимѣ“ (нач.: „Поклоняние от моего недостойнства к твоему преподобству...“).³

Из послания следует, что отправлено оно было архимандриту Печерскому, — по мнению А. В. Горского, тому самому архимандриту Василию, об избрании которого сообщает под 1182 г. Киевская летопись. Очень возможно, что адресатом послания действительно является этот Василий, но отсюда, конечно, еще не следует, что послание принадлежит Кириллу Туровскому. Попытка А. В. Горского связать послание с именем Кирилла во всяком случае лишена достаточных оснований: послание в известном нам списке именем Кирилла не надписано; ссылка на повесть Кирилла также не может иметь доказательного значения, так как имеются все данные полагать, что имя Василия игумена Печерского в ряде списков повести XVI—XVII вв. — позднейшая интерполяция.

Синодальный сборник № 935 содержит в себе, помимо послания, некоторые произведения Кирилла Туровского: повесть (здесь она озаглавлена „О нѣкотором цари, ратнаго оружия не имяше. Повѣсть чудна о черноризцѣх“), сказание об иноческом образе. Не свидетельствует ли это о том, что послание и явилось ближайшим источником той интерполяции в заглавии повести Кирилла, о которой идет речь? Послание и повесть тесно объединяются единством темы; сходство по содержанию и могло внушить писцам представление, что оба произведения были отправлены одному и тому же лицу — Василию игумену Печерскому.

По вопросу о том, откуда извлек Кирилл Туровский самый рассказ, явно восточного происхождения, о беспечном царе и его мудром советнике, послуживший материалом для его повести, мнения исследователей расходятся: по утверждению акад. М. И. Сухомлинова,⁴ он взят Кириллом, в легкой переработке, из романа о Варлааме и Иосафе; по

¹ См.: Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 423—424.

² L. K. Goetz. Die Echtheit der Mönchsreden des Kyrill von Turov. Archiv für Slavische Philologie. Hg. von V. Jagic, B. 27, 1905, стр. 191.

³ См.: Послание к Василию архимандриту Печерскому XII столетия. Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе, ч. 10, М., 1851, стр. 346—357.

⁴ М. И. Сухомлинов. О сочинениях Кирилла Туровского. В кн.: Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. СПб., 1858, стр. LIII—LVII. Ср.: Повесть о Варлааме пустыльнике и Иосафе царевиче индийском. Перевод с арабского акад. В. Р. Розена, под ред. акад. И. Ю. Крачковского. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 61—66.